

КРИСТОФЕР БОЭМ, *КРОВНАЯ МЕСТЬ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ  
И УЛАЖИВАНИЕ КОНФЛИКТОВ В ЧЕРНОГОРИИ И ДРУГИХ  
ПЛЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ.*

Москва: Издательство книжного магазина «Циолковский»,  
2026, 384.

Кристофер Боэм принадлежит к числу тех американских антропологов второй половины XX века, чья научная биография плохо укладывается в одну дисциплинарную стезю. Начав как культурный и социальный антрополог, занимавшийся Черногорией и – шире – балканскими формами племенной организации, он позднее стал известен как исследователь эгалитаризма, эволюции моральных представлений и вопросов происхождения человеческой кооперации. Его академическая траектория, начавшись полевой работой среди черногорских племён в 1960-е годы, привела позднее к широкому сравнительному изучению вопросов насилия, морали и социального контроля в обществах разного типа.

Книга *«Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies»* (в русском переводе, автор которого – это стоит отметить отдельно – упустил, среди прочего, из вида многообразное и сложное значение термина «enactment» в современных социальных науках: *«Кровная месть. Возникновение и улаживание конфликтов в Черногории и других племенных сообществах»*) впервые вышла в 1984 году в University Press of Kansas, а затем была переиздана University of Pennsylvania Press. В ней Боэм описывает общество, которое для западной антропологии является одновременно и близким, и экзотическим: европейские горные племена, сохранившие память о собственной автономии, воинской этике, сегментарной организации и практике кровной мести. И все это – в четырех часах езды на автомобиле от ресторана при американском посольстве, где автор мог насладиться «ледяной бутылкой Кока-Колы». Этот выбор полевой локации и материала делает книгу, безусловно, необычной. Ещё важнее её жанровая разнородность: Боэм пишет как социальный антрополог, этноисторик, полевой этнограф, семантик, психолог и местами как этолог. В результате перед нами не «чистая» работа, выполненная в рамках какого-то одного академического языка, а палимпсест, методологически подвижный и потому одновременно и продуктивный, и уязвимый.

Дисциплинарная лоскутность «Кровной мести» позволяет увидеть и более общий эпистемологический конфликт внутри пространства антропологического письма. С одной стороны, мы вправе говорить, что в антро-

пологии существует стиль мышления, который можно назвать концептуализирующим. Его задача – не просто представить жизнь общества во всем разнообразии ее подробностей и деталей, но извлечь из полевого материала модель: показать, как устроен некоторый социальный факт, какую функцию он выполняет, каким образом он связан с воспроизводством порядка. В британской социальной антропологии этот стиль наиболее отчетливо представлен у Редклифф-Брауна, Эванса-Притчарда, Фортеса и, в особом конфликтологическом изводе, у Макса Глакмена. Их интересует не судьба отдельного человека как таковая, а то, что характер индивидуальных действий отдельных людей позволяет сказать о структуре общества, о системе права, санкциях, наказаниях, родстве, власти и социальном порядке.

Глакмен здесь особенно важен. В статье «*The Peace in the Feud*» и книге «*Custom and Conflict in Africa*» он предложил рассматривать вражду не как патологию порядка, а как один из способов его поддержания. Этот тезис наследует линии Георга Зиммеля в социологии: конфликт не только разрушает социальные связи, но и формирует их, делает социальные группы видимыми, стабилизирует их границы и принуждает участников к признанию «правил игры». Глакменовский подход к социально-антропологической работе является строго концептуальным: вражда интересует его прежде всего как механизм, через который общество (в отсутствие аппарата централизованного государства) ограничивает насилие, перерабатывает противоречия и поддерживает воспроизводимость социальной формы. Наука Глакмена – экспланаторная: он стремится не столько *показать* жизнь во всей полноте и разнообразии, сколько *объяснить* ее устойчивость в некоторых сложившихся формах.

Боэм работает в другом ключе. Условно, его подход можно назвать феноменологическим, если не связывать это слово исключительно с гуссерлевской философией. Вопрос, который заботит Боэма, звучит иначе, не так, как, например, у Глакмена: что представляет собой кровная месть как переживаемая, называемая, обсуждаемая, запускаемая и останавливаемая практика? Поэтому Боэм, в частности, подробно разбирает лексику черногорцев: *krvna osveta, krvnik, u krvi, miriti krvi, obraz, sramota, sloga*. Он вводит читателя в мир слов, жестов, слухов, оскорблений, репутаций, угроз, перемирий, судов «добрых людей», решений старейшин, женских реплик, мужской гордости, семейной памяти и страхов. Боэма интересует не только устройство мести, но в первую очередь её феноменальная сторона: как она начинается, как разворачивается, кто на кого имеет право напасть, почему отказ от мести может быть невыносимым, как человек обдумывает риск, как вражда становится судьбой.

В этом подходе – сила «Кровной мести». Боэм показывает, что вражда в Черногории не хаотична, что она не является простой чередой вспышек

иррационального насилия и не объясняется «дикостью» горного общества, как это часто представлялось внешним наблюдателям. Кровная месть в тексте Боэма предстает в первую очередь морально легитимированной формой действия. Более того, она процедурно насыщена. В ней различаются убийство и долг, честь и бесчестье, индивидуальный импульс и клановое обязательство, законная цель и недопустимая жертва. В этом смысле книга является демонстрационной: она заставляет *увидеть* кровную месть, причем не в качестве отвлечённой категории, а как основание насыщенного жизненного мира, в котором насилие имеет язык, временную структуру, моральную оправданность и социальную глубину.

Однако именно из этого обстоятельства вытекают и значимые методологические трудности. Чем подробнее Боэм описывает «живую жизнь» черногорской вражды, тем сильнее текст приближается к утрате концептуальной строгости. Этноистория требует реконструкции прошлого по неполным источникам; семантический анализ требует внимания к значению слов; психология – к мотивации отдельных людей; этология – к сравнительным моделям агрессии; социальная антропология – к структуре и функциям, латентно присутствующим в социальной жизни. В тексте Боэма все эти линии обозначены, однако далеко не всегда сведены в единую объяснительную последовательность. Его книга – лоскутное одеяло: автор использует различные исследовательские инструменты, играет с дисциплинарными оптиками, иногда отказывается от концептуализации структур в пользу рассказа о драматургии партикулярных решений, без видимых проблем переходит от разговора о политической экологии к рассказу о внутреннем мире мстителя, движется от этноисторических описаний к разработке почти биологической проблематики насилия.

Главная ставка Боэма в «*Кровной мести*» заключается в попытке доказать, что черногорская вражда является не надындивидуальным феноменом, а сознательно управляемой практикой. Боэм подчёркивает, что относительное равновесие между племенами и кланами не возникает автоматически, напротив, – оно достигается расчётливыми действиями участников. Черногорцы, если верить описаниям автора, не слепо повинуются обычаю: понимая опасность эскалации насилия, они предпринимают стратегические усилия по удержанию локального конфликта в пределах, совместимых с выживанием племени и сохранением политической солидарности перед лицом внешней угрозы. В этом смысле необходимость управления враждой является не просто следствием существования системы кровной мести, а её центральным (целерациональным, отрефлексированным) механизмом.

Такой вывод принципиален. Если кровная месть не ограничена, она ведёт к расширению насилия: от убийцы – к его брату, от семьи – к клану, от клана – к племени, от племени – к межплеменной войне. Черногорское

общество, каким его реконструирует Боэм, жило под постоянной угрозой подобной эскалации насилия, в связи с чем возникли специфические формы его локализации: счёт крови, поочерёдность возмездия, перемирия, посредничество, суды добрых людей, компенсации, ритуалы примирения и побратимство. Эти формы не отменяли конфликт, но делали его социально переносимым. Иными словами, порядок не предшествовал конфликту как готовая структура, а достигался через постоянную работу по ограничению интенсивности вражды.

Феноменологическая плотность текста Кристофера Боэма чрезвычайно высока, однако свое значение она приобретает тогда, когда становится переведена на язык социальной теории – концептуализирована. Кровная месть оказывается институтом, который одновременно выражает раскол и удерживает общество от еще большего раскола. Она не только восстанавливает утраченную честь, но и задает рамки агрессии. Она делает братство ответственным за тех мужчин, которые его составляют, заставляя сдерживать их чрезмерно опасные порывы. Она производит врагов, но через процедуры умиротворения создаёт новые связи. Она угрожает племенной *sloga*, но именно поэтому активизирует силы, заинтересованные в её восстановлении.

Книга Кристофера Боэма позволяет оценить принципиальную ограниченность чисто демонстрационной науки. Да, без приводимых в его книге многочисленных подробностей мы не поняли бы, почему *krvna osveta* была морально убедительной для черногорцев. Но если остановиться только на перечислении деталей, кровная месть останется этнографически выразительным, но теоретически недооформленным феноменом. Концептуализирующий стиль, представленный в британской социальной антропологии лучшими ее авторами – например, Максом Глакменом – направлен именно на то, чтобы дать возможность публике за множеством индивидуальных мотивов и драм разглядеть действие строгого механизма: конфликт *работает* как средство поддержания порядка. Индивидуальные решения отдельных людей важны, но и каждое такое решение по отдельности, и их совокупности становятся научно значимыми только тогда, когда позволяют объяснить воспроизводство надындивидуальной формы социального действия.

Книгу Кристофера Боэма можно читать из различных установок. Как демонстрация «богатства жизни» она вводит нас в мир черногорской чести, словесной агрессии, мужской репутации, женского давления, клановой памяти и ритуального примирения. Как источник объяснительной модели, она доказывает, что социальный порядок в черногорском обществе не существует сам по себе и не гарантируется принуждением со стороны государственного аппарата. Порядок производится («enact» – sic!) в практиках управления конфликтом. И даже если автор иногда слишком бодро заигрывает с сочетанием разных дискурсов – этноисторическим, психологиче-

ским, этологическим, семантическим, — то всё же центральный вклад книги состоит в том, что она делает видимой социальную работу, скрытую внутри вселенной насилия и вражды.

В этом отношении «Кровная месть» особенно важна для русскоязычного читателя, интересующегося Балканами. Она не романтизирует Черногорию и не сводит её культурные особенности к набору стереотипов «архаического насилия». Бозм позволяет читателю увидеть в черногорской вражде сложную форму морального и политического действия, связанную с автономией, честью, племенной солидарностью и сопротивлением внешнему господству. Тем значимее, что издательство книжного магазина «Циолковский» предприняло работу по переводу этой книги на русский язык. Для русскоязычной балканистики это не просто рядовое пополнение книжной полки, а возможность заново обсудить один из ключевых вопросов социальной антропологии: как порядок возникает не до конфликта и не после него, а внутри работы по его ограничению.

#### Использованная литература

- Бозм, Кристофер. Кровная месть. Возникновение и улаживание конфликтов в Черногории и других племенных сообществах; перевод с английского А. Андреева. Москва: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2026.
- [Boe'm, Kristofer. Krovnyaya mest'. Vozniknovenie i ulazhivanie konfliktov v Chernogorii i drugix plemenny'x soobshhestvax; perevod s anglijskogo A. Andreeva. Moskva: Izdatel'stvo knizhnogo magazina «Ciolkovskij», 2026]
- Boehm, Christopher. *Montenegrin Social Organization and Values: Political Ethnography of a Refuge Area Tribal Adaptation*. New York: AMS Press, 1983.
- Boehm, Christopher. *Blood Revenge: The Anthropology of Feuding in Montenegro and Other Nonliterate Societies*. Lawrence: University Press of Kansas, 1984.
- Boehm, Christopher. *Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1987.
- Boehm, Christopher. «Execution within the Clan as an Extreme Form of Ostracism». *Social Science Information* 24/2 2 (1985): 309–321.
- Boehm, Christopher. «Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy». *Current Anthropology* 34/3 (1993): 227–254.
- Evans-Pritchard, E. E. *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press, 1940.
- Fortes, Meyer, and E. E. Evans-Pritchard (eds.) *African Political Systems*. London: Oxford University Press for the International African Institute, 1940.
- Gluckman, Max. «The Peace in the Feud». *Past & Present* 8 (1955): 1–14.
- Gluckman, Max. *Custom and Conflict in Africa*. Oxford: Basil Blackwell, 1955.
- Gluckman, Max. *Order and Rebellion in Tribal Africa: Collected Essays with an Autobiographical Introduction*. London: Cohen & West, 1963.

- Gluckman, Max. *Politics, Law and Ritual in Tribal Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1965.
- Radcliffe-Brown, A. R. *Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses*. London: Cohen & West, 1952.
- Simmel, Georg. «The Sociology of Conflict: I». *American Journal of Sociology* 9/4 (1904): 490–525.
- Simmel, Georg. *Conflict and The Web of Group-Affiliations*. Translated by Kurt H. Wolff and Reinhard Bendix. Glencoe, IL: The Free Press, 1955.
- White, Stephen D. «‘The Peace in the Feud’ Revisited: Feuds in the Peace in Medieval European Feuds». In: Kate Cooper, Conrad Leyser (eds.) *Making Early Medieval Societies: Conflict and Belonging in the Latin West, 300–1200*, Cambridge: Cambridge University Press, 2016, 220–243.

Владимир Владимирович Картавцев\*  
Клиника ранней реабилитации «Три Сестры», Москва

---

\* <https://orcid.org/0000-0003-0418-687X>